

Первое впечатление

Вернисаж на Суворовском бульваре

ВНОВЬ открыл свои залы для посетителей Государственный музей искусства народов Востока. Разместился он теперь в просторном реконструированном старинном здании в центре нашей столицы на Суворовском бульваре.

Любители искусства хорошо знакомы с его прекрасной коллекцией произведений искусства. Известен он и своим вкладом в пропаганду современного советского изобразительного искусства. Выставки, организуемые в нем, пользуются широкой популярностью, становятся заметными событиями культурной жизни столицы.

Так случилось и в этот раз. К открытию музея был приурочен вернисаж заслуженного художника Армянской ССР Рудольфа Хачатряна. С его персональными выставками имели возможность познакомиться жители Ленинграда, Одессы. Не раз он выставлялся в Ереване и Москве.

Творчество этого художника отличает завидная преданность искусству рисунка. Простая четкая линия в рисунках Хачатряна превращается в универсальное средство, с помощью которого он способен выразить богатство окружающего мира, тончайшие оттенки человеческих чувств.

Герой творчества Хачатряна — человек сегодняшнего дня. Художник предпочитает натуры сформировавшиеся, с незаурядными, ярко выраженными характеристиками. Среди них — известные литераторы, актеры, музыканты, художники, ученые.

Будучи привержен классическому рисунку и сторонясь различных «соблазнов» усложнения графической техники, Хачатрян в то же время всегда стремился к новому. Творческий поиск привел его к интересной находке. Суть ее в следующем. Бумага — материал недолговечный, и художника осенила мысль перенести рисунок на загрунтованную известным еще с древности способом поверхность — так называемый левкас (на левкасах писали живописные картины до изобретения живописи на холсте, в том числе иконы). И вдруг рисунок приобрел неожиданную остроту и монументальность, некие новые, не свойственные ранее графические качества. Практически Хачатрян открыл новую технику.

...Зажил активной жизнью любимый москвичами музей на старом Суворовском бульваре. Доброго ему пути!

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.

В ПЕРМИ на перекрестке улиц Революции и 25 Октября не так давно объявились новые дорожные знаки, и это не стоило бы упоминания, если бы не обстоятельства, что этому предшествовали.

Перекресток этот со старыми, как сама Пермь, деревянными домами по углам автомобилистами не любим: потенциально опасен. Необзорный, тесный, так что вся надежда у водителей на светофор, что висит над трамвайными путями. Два огня в светофоре, красный и зеленый. Третий, желтый, наверняка не оказался бы лишним, но такова раскладка ГАИ и служб безопасности движения трамвая — два огня, зеленый или красный. Или — или. Зеленый, зеленый и вдруг — красный, внезапный, как удар по затылку. И это означает одно: в сорока метрах от перекрестка начал движение трамвай, он-то с помощью реле и зажигает красный огонь в светофоре. И водителю остается одно: жать на тормоза.

Так было и в тот декабрьский субботний полдень, что отличался от других зимних полдней одним — гололедом. Дороги песком не посыпали, лед не окатывали, и красный перед шофером ЗИЛа Виктором Обуховым зажегся «перед носом» по такой скользкой погоде — метрах в сорока. Виктор тормознул, но его автомобиль повело на дома, и он отпустил тормоз, выровнял машину и, как свидетельствует милиционный протокол, «газнул», надеясь проскочить перекресток раньше трамвая. Водитель первого класса, передовик производства, трезвенник, полжизни из прожитых тридцати семи отдал одной автобазе, однако, случилось же, случилось.

Но я — о ситуации. На перекрестке, как сообщает протокол, «транспортные средства оказались одновременно». Секунда — и трамвай врезался в бензобак автомобиля Обуховой частью, где располагается электроцит. Надо же было случиться этому — прямо в огромный бензобак, ни на дюйм влево или вправо. Следовательно майор Поздин считает, что при столкновении возникла искра, и это она столбом воспламенила вылившийся из бака бензин. Загорелась обшивка вагона. Сперва снаружи, затем и внутри. Черный дым за клубился над перекрестком. Длилось это секунд тридцать...

В загоревшемся вагоне было с полсотни пассажиров. Едкий дым в мгновение заполнил салон, и там, понятно, началась паника. К тому же несколько секунд, секунд десять, двери вагонов не открывались, только дергались, желая открыться. Очень трудные секунды, очень долгие секунды... Но вот передняя дверь скрипуче отошла, образовав щель для выхода, задняя распахнулась полностью, а средняя так и не открылась.

К той поре в переднюю дверь проскочить уже было нельзя: там похлынуло в полную мощь. У задней же двери создалась дав-

ка, и трое мужчин, мне не известных, но о которых немало наслушался, не сговариваясь, стали предотвращать столпотворение. Трое мужчин — солдат, милиционер и штатский. Вагон опустел секунд через двадцать. Об этих секундах моя долгая речь. Последний пассажир вылез из трамвая вместе с клубами дыма.

— Там никого нет, — сказал он убежденно, — я сам проверил...

Сказал и отошел к забору, сложившись пополам от ожоженного горла дыма и волнения.

— Что было бы, — спросил следователя, — выскочи раньше? — и тот посмотрел меня протяжным взглядом, езю ли спрашиваю. «Ост бы жива, — сухо ответил, — трамвай стал бы братом могилой». Да, следствие установило, что Люба сознательно покинула объятый пламенем вагон, нажимая на тумблер, пытаясь открыть двери. Он оттащит ее к дереву.

— Маленькая девочка скажет он, — легонькая, нет, а беда-то какая огромная. Вот трагическая история, которой вдруг обозначи-

Люди

СТОЛКН

Его спросили: «А водитель-то?» «Водитель?» — и он убежденно заявил: «Водителя в кабине нет».

Сразу скажем, водителя восьмого маршрута Любу Вяткину сквозь дым и огонь он просто не заметил.

ДВА СОВПАДЕНИЯ. Среди пешеходов на перекрестке в момент аварии оказалась журналистка областной газеты «Звезда» Людмила Королева, и это она, кинувшись к двери вагона, спросила о водителе. Второе: по другую сторону трамвайного пути на служебном «газике» ехал начальник пожарной части Уханев, и это он по внутреннему телефону пробил тревогу.

Уханев побежал к кабине вагоновожатого, и там сквозь огонь различил девичьи руки, которые дергали рычаги на пульте управления. За стояком пульт Люба прятала от пламени лицо, руки же, руки продолжали делать свое привычное дело. Она все еще пыталась открыть среднюю дверь, не зная, что пассажиры уже вышли.

Подступы к вагону перекрывал грузовик. Под рукой не было ни железки, ни палки, и Уханев побежал к своей машине, чтобы взять там ломик или какой-нибудь молоток: надо было разбить ветровое стекло и вызволить вагоновожатую. И тут раздался взрыв. И еще — вскрик. Тонкий девичий вскрик. Будто подстреленная чайка на излете вскричала, прося у жизни миг.

Уханев вернулся к вагону, но стекло уже было выбито, а девушка в обгоревшей одежде сидела бочком под деревом на обочине тротуара. Руки она держала на коленях, и они были красны, будто в сурик она их обмакнула. Полковник подстелил ей свой полушубок, и девушка успела спросить перед тем как потерять сознание: «Пассажиры все вышли?» «Все», — ответили ей стоявшие рядом, и она закрыла глаза.

продолжение, и я взялся за ро, чтобы рассказать имени нем. О подвиге вагоновож из Перми в газетах уже пи но я не о подвиге, я с последним к подвигу.

...Откашлялся у забора следний пассажир, стали га огонь подоспевшие очень с пожарные машины, и пересток покрылся пеной, б свежий снег выпал. У затушего вагона бегала студент плачущее спрашивала: «Людмила не видели моей меховой ки?» А в этот миг ее сверку везли с включенной сир в ожоговый центр. В ка трамвая сгорело Любино па с получкой. Пальто она прела на днях в кредит, пол была утром, ей так хоте приехать в свою Зубовку в нове и с деньгами, праздн и самостоятельно.

В ПОСЛЕДНИЙ маршрут бу снаряжали подруги. звучали траурная музыка, рыдания... Отзвучали...

Начались будни. Через сколько дней после случившегося в газете «Звезда» появился материал Людмилы Корол «Огонь на себя», рассказ видца. Очень верное название. Люба действительно при весь огонь на себя, весь — последней искры.

В читательской почте на публикацию преобладали пи фронтовиков. Кому как не знать цену жизни? «Это виг», — писали одни. «Мужества», — утверждали гие. А фронтовик Федор Шнин предлагал одну из трамвайных остановок в городе звать именем Любы.

Много было писем. И не только ответа на гербовом бланке — из трамвайно-троллейного управления, в котором ба Вяткина трудилась.

Письмо пришло через много напоминаний, ровно через сая, потому что должностная инструкция обязывает отвечать через месяц — и ни днем же. Отвечали из профком